

# Борохов, Анатолий Иванович

Украина, Никополь

Март 2005 г.

Уважаемые Хильде Шрамм и Эберхард Радзувайт, а также все остальные члены Вашего президиума!

Получил от Вас письмо с пожеланиями здоровья. Я Вам желаю тоже хорошего здоровья. А также получил Вашу гуманитарную помощь в размере 300 евро, собранную простыми жителями Вашей страны. Спасибо им за это.

Вы просите меня написать о переживаниях, которые были у меня в то время, когда я находился в Германии, и о нынешней жизни. Я Вам напишу, так как эти переживания до сих пор сняты мне во сне, и от них никогда не избавиться.

Окончил я среднюю школу (10 классов) 19-го июня 1941 года. Это за три дня до начала войны. Война началась. Нужно было искать работу, чтобы как-то себя обеспечивать. Я жил только со старенькой бабушкой (это мать моей матери). Никого у меня не было: ни отца, ни матери. Потом, через год, когда мне исполнилось 18 лет (я рождения 26.04.1924 г.) меня призвали в армию. Я в то время жил в Туркмении (это одна из республик советских). Меня направили учиться в военное училище. Быстрыми темпами нас обучили и скорее на фронт, так как фронту нужны были солдаты. Окончил пехотное училище на „отлично“ и получил воинское звание – лейтенант. На фронте мне пришлось быть командиром пулеметного взвода.

Фронт в то время стоял южнее города Ростов на Дону и под Белгородом (недалеко от Москвы). Вскоре в этих районах начались сильные бои. Противник хотел к 1943 г. захватить Москву. Но как показали себя эти бои, через несколько дней противник был полностью разбит. Я со своей военной частью в это время находился около города Ростов на Дону. Военное командование решило нашу часть пустить в ночной разведбой. Мы вышли около полуночи и, ориентируясь по карте, шли нужным маршрутом. Но видимо, что-то мы неверно сделали. Утром нас окружили, и начался бой. Оказалось, что ночью мы подошли к позициям противника и оказались в окружении.

От наших основных частей помощи мы не получили. Многие бойцы погибли в этом бою. Израсходовав боезапас, нам нечем было защищаться. И неожиданно для многих оставшихся в живых – плен. Это случилось в 20 километрах от города Сталино (ныне Донецк) 6 сентября 1943 г. Мне было в то время 19 лет.

Гнали нас через всю Украину в сторону города Вознесенск Николаевской области. Не кормили. Спасибо украинским женщинам, которые бросали в колонну пленных что-нибудь из пищи. Солдаты противника били прикладами тех военнопленных, которые старались поднять брошенное женщинами. Километров 700 мы шли до Вознесенска.

Лагерь военнопленных очень большой. наших солдат каждый день гоняли на разные работы, нас, офицеров, не гоняли – боялись нас. Кормили очень плохо – отбросы с боен, кровь с мусором, кукуруза непроваренная, просо необрушенное от чешуи. Хлеба мы не видели уже много дней.

Пошел слух среди военнопленных, что нас хотят отправить на каторжные работы в Германию. В этом лагере мы находились до 27 января 1944 г. Привезли нас на станцию к вагонам, надели на руки наручники – одному на левую, другому на правую руку. Это для того, чтобы мы по дороге не сбежали. В вагон загнали столько военнопленных, что можно было сесть. Дали на весь вагон несколько кругов подсолнечных макух (жмыхов), а воды не дали. Мы наелись макухи, а пить нечего. У всех пленных вшей полно. Пока поезд идет – вшей не слышно, как поезд станет, они начинают кусать. И не почешешься как следует – ведь тебя заковали с другим пленным.

7 февраля 1944 г. прибыли в город Ченстохов (Польша). 25 февраля заболел сыпным тифом. Меня наши ребята отвезли в тифозный барак, где уже было много тифозных.

Нам медпомощи никакой не давали. У кого организм был сильным – выжили, слабые – умирали. Очень слабый я был. Болел до отправки в Германию, до 8 мая 1944 г.

В это время мне исполнилось 20 лет. 12 мая 1944 г. прибыли в Германию, в село Дюммерзее. Это северная Германия. Нас гоняли каждый день на болото копать каналы для стока воды, для орошения почвы. У нас отобрали обувь и дали деревянные колодки. Работали мы с утра и до позднего вечера в холодной воде. Шли частые дожди. Нам не разрешали прятаться от дождя. Привозили для нас баланду – вареная пища для скота и вода. Нужно было выполнять каждый день норму, которая была сверхчеловеческой. Иначе – карцер.

28 сентября 1944 г. повезли нас из лагеря неизвестно куда. Это оказался концентрационный лагерь. Он располагался в области Гарц, станция Рубеленд.

Мы были определены на работу на завод по обжигу извести из кварцита. Вблизи завода был большой каменный карьер, где добывали кварцит. Я попал на карьер.

Вначале камень нужно было взрывать – это делали немцы. Большие куски породы следовало разбить молотком, погрузить в однотонные вагонетки. Норма – десять вагонеток. Эта норма была для военнопленных нечеловеческой. Так что каждый работающий пленный очень редко выполнял норму. За невыполнение – с работы прямо в холодный, мокрый карцер. Силы мои таяли с каждым днем, такая слабость.

Вскоре меня перевели на работу у печей. В печи нужно было загружать кварцит или вынимать из печей готовую известь. Когда нас пригоняли на завод, то звучала команда: „Mantel raus!“ Верхнюю одежду снять! Во время перерыва на обед привозили баланду. Я немного опоздал стать в строй на построение. За нами следили немцы. Подбегаю к строю. Смотрю, здесь стоит комендант лагеря, возле него большая собака – овчарка. Комендант лагеря подает какую-то команду. Собака с разгона сбивает меня с ног и начинает грызть ноги, руки, спину. Я закрываю лицо руками, оставляя незакрытым остальное тело. Комендант оттягивает от меня овчарку – я продолжаю лежать в шоке. Все тело у меня в крови. Раздается немецкая команда – работать! Немцы думали, что я сбежал. Все военнопленные расходятся по своим местам работать, а меня трясет. Мастер на меня орет – работать, а я не могу. Работающие со мной военнопленные сказали ему, что я весь искусанный и не могу работать. Мы будем за него работать – сказали они. С помощью ребят я смог встать и вскоре мои колодки наполнились кровью. К ночи у меня поднялась температура, я не спал до утра. Утром встал в строй с больными. Перед отправкой на работы, комендант лагеря одел на руку

рукавичку и подошел к строю больных. Одного за другим он бил по лицу, выгоняя их работать. Когда он меня увидел, то узнал по вчерашнему происшествию. Он мне приказал остаться и идти в ревьер. Осмотр моей ноги, которая была уже раздутая, красная – убедил его в том, что я не симулирую. Меня положили в ревьер. Лагерный врач – хирург, тоже военнопленный, майор по званию, всеми силами пытался спасти меня. В беседах с ним, он сказал мне, что без операционного вмешательства не спасти. Нужен быстродействующий на короткое время наркоз. Беда со мной случилась 3 ноября 1944 г., мне было всего 20 лет.

Врач нашел-таки наркоз – хлорэтил. Через 3 дня ногу сильно разнесло, пошли язвы по ноге, началось заражение. Врач сказал мне, что скальпель (нож) он нашел и достал наркоз. В лагерных условиях прошла операция. На лицо наложили марлю, мне приказали глубоко дышать, считать вслух... Ужасная боль пронзила меня, и я потерял сознание. Очнувшись, я вскочил и увидел, сколько гноя образовалось в ноге за три дня. Ногу уже забинтовали. На следующий день мне начали делать перевязку. Врач стал вытягивать из раны (она была величиной около 10 см) бинт. Он вытянул из раны 1,5 метра бинта. Рана моя затягивалась очень медленно...

Приближался наш день освобождения. Все военнопленные представляли страшный вид: худые, одни кости. Освободили нас американцы 18 апреля 1945 г.

Эти записи-воспоминания сделаны благодаря наличию дневника, который я прятал.

Советские власти восстановили наши все права: вернули наши воинские звания, дали деньги на дорогу, продуктовые книжки, с помощью которых мы могли бы, будучи в поездке, покупать себе продукты. Написал письмо домой, чтобы знали, что я жив и здоров. Заехал, по пути домой, в Ростов на Дону, к моему спасителю-хирургу, который делал мне операцию в плену. Мне соседи сказали, что он забрал свою мать, и они уехали в Москву. Я тоже был в Москве, но мы с ним не могли встретиться. Позже я поблагодарил его. Я приехал к нему с моей женой и детьми. На работу нужно было устраиваться, но куда? Устроился учеником бухгалтера и начал основательно изучать бухгалтерию. Здоровье мое в это время было очень плохим (это пребывание в плену сказывалось). Я не оканчивал никаких институтов, но по знаниям я мог бы перебороть любого. Вскоре я уже работал старшим бухгалтером на правах главного бухгалтера.

Главное в моей жизни – то, что девушка меня ждала, верила, что я вернусь из неизвестности. У нас получилась очень дружная семья. Мы живем с ней уже 59 лет. Я очень любил музыкальное искусство, ходил в клуб, в оркестр народных инструментов. Мы часто выступали в парке перед людьми. Все это было до войны. После войны я, уже имея опыт работы с оркестром, решил восстановить его. И вскоре восстановил оркестр до 47 человек. Ездили мы на все фестивали, гремели по всей республике Туркменистан. Очутился в этой республике в связи с семейными обстоятельствами. В 1962 г. переехали на постоянное место жительства в город Никополь (это город украинского казачества). Мой дед был украинским казаком.

Здесь, в городе Никополь, я снова связал свою судьбу с оркестром народных инструментов. Сейчас, в связи с плохим здоровьем, дома пишу песни для оркестра и солистов. В общем сказать – мне некогда. Бог бы дал мне еще пожить на этом свете!

Да, еще забыл рассказать о том, как я строил в Туркмении ветроэлектростанции.

Со светом в городе было очень плохо, а у меня дома горел электросвет. Не давал я себе покоя, все хотелось что-то сделать.

Сейчас у нас на Украине новый президент – Ющенко. Он молод и много может сделать для Украины. Мы ему верим и поддерживаем.

Все у меня получалось и получается хорошо. Жизнь уже кончается, а вот одно дело у меня не получается – получить компенсацию от Германии за пребывание в концентрационном лагере в Рубеланде. Писал я еще в 1993-1996 гг. по адресу: Deutschland, Bad Arolsen, Grosse Allee 5-9, 344444. На первые два письма у нас есть ответ. Они писали, что имеют 17 километров материала с адресами, но меня, пока, не нашли. Обещали позже сообщить мне. Но обещание так и осталось обещанием. А мне нужно подтверждение о том, что такой концентрационный лагерь бы в горах Гарц. Я им сообщал свой лагерный № 196. Еще два письма я написал по вышеуказанному адресу в январе-декабре 2004 г. и вместе с Вашим письмом еще одно письмо.

Не сможете ли Вы помочь мне в этом деле?

Мой совет в отношении мира на земле. Ведь Гитлер говорил, что арийская раса лучше всех. Германия превыше всех и всего. Нужно мир на земле делать для всех, все нации хороши. Так как сейчас делается у Вас в Европе. Прямо замечательно! И валюта у Вас общая, и поездки у Вас в другие страны гораздо проще.

По-моему, я Вам ответил на Ваши вопросы более или менее подробно. Спасибо за Ваши деньги 300 евро, правда, этого мало, тем более, что мне приходится много денежных средств тратить на приобретение лекарств.

Если бы мне удалось получить компенсацию от Германии!?

Еще раз пожелаю Вам всем отличного здоровья!

Und so, aufwiedersehen!

Город Никополь.

Я учился в школе, и у меня по немецкому языку было всегда 5. Ну конечно, я забыл правила написания слов.

